

щющи и трясущи рукою. И видяще вси, людие же и клирици мняхуть беснующуюся, и влечают ю к гробом святою. Узре же ю Лазорь и, познав ю, бысть ужасн. И томь часе бысть рука цела. И вси видевъше прославиша бога о томь чудеси, дивящесе скорому божию посещению и силе святою Христову мученику.

Очень ярко и конкретно освещенный сюжет с рабой какой-то дорогобужской «госпожи» привлекает внимание прежде всего реальностью самой ситуации. Оказывается, раба трудилась в праздник Николы не по своей воле, а по приказанию госпожи, которая прогнала искалеченную Николой женщину да еще обратила в раба ее рожденного на свободе сына. Далее примечателен новый эпизод о «справедливости» княжого суда, который якобы встал на защиту прав дорогобужской холопки, отпустив ее с сыном на свободу и заставив госпожу потерпеть убыток. В «Чтении» есть опущенный в «Сказании» другой штрих. В ответ на суровый вопрос явившихся жене Николы и князей, почему она не идет в церковь, она отвечает им: «аз емь жена вдова, убога, да достоить ми делати и несть ми требе в церковь ходити», т. е. бедному человеку нужно работать, а ходить в церковь ему не к чему! Нельзя не увидеть в этом ответе оттенок определенной дерзости и пренебрежения к церкви. После этого становится понятным возмущение чудотворца Николы, который так рванул ее за руку, что она отсохла!

Этот рассказ странным образом не привлек пристального внимания С. А. Бугославского. Более того, у исследователя сложилось совершенно неверное суждение, что рассказ Нестора дает более «подробную редакцию чуда о жене сухорукой, которую Нестор слышал от самой исцеленной», и что автор «Сказания о чудесах» передает его «по другому м е н е е о с в е д о м л е н н о м у источнику».²⁶ В действительности мы видим как раз обратное — редакция чуда в «Сказании» гораздо конкретнее, полнее и живее.

Этот примечательный по своей историчности рассказ, кажется, не привлекая и должного внимания историков, приобретает особую значимость еще в другой связи. Известно, что в 1072 г., по случаю перенесения мощей Бориса и Глеба, в Вышгороде собрались Ярославичи вместе с крупнейшими представителями феодальной знати и составили знаменитые дополнения к «Русской Правде» — «Правду Ярославичей». В ней есть 23-я статья о 80-гривенном штрафе, который установил Изяслав за своего конюха, «его же убиле Дорогобудци».²⁷ Комментаторов этой статьи интересовало содержание самого юридического казуса и время введения этого штрафа.²⁸ М. Н. Тихомиров метко определил связь возникновения «Правды Ярославичей» с подъемом крестьянских и городских восстаний 1068—1071 гг.²⁹ и датировал убийство Изяслава конюха под Дорогобужем 1068 или 1069 г.³⁰ Естественно напрашивается сопоставление этой статьи «Правды» об убийстве в Дорогобуже княжеского конюха, давшем повод узаконить поразительно высокий штраф в 80 гривен, ограждающий жизнь конюха — не очень значительной фигуры в княжеском хозяйстве, с рассказом о дорогобужской же вдове. Она также испытала жестокую кару Николы за вольнодумную фразу о том, что бедным нечего ходить в церковь; в этой связи и введена в рассказ сентенция о «справедливости» княжого суда, якобы ставшего на защиту холопских прав. Думаем, что совпадение этих

²⁶ С. А. Бугославский. К вопросу..., стр. 142—143.

²⁷ Правда Русская, т. I. М.—Л., 1940, стр. 80.

²⁸ Правда Русская, т. II. М.—Л., 1947, стр. 161—163.

²⁹ М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. М.—Л., 1941, стр. 66—67.

³⁰ М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, стр. 108.

